

КОНЦЕРТ ШАЛЯПИНА

МАРИЯ ИЛЬИНИЧНА, сегодня концерт Шалаяпина, — объявила Саша, едва секретарь «Правды» появилась в своем кабинете. — Придется мне уйти с работы пораньше...

— Вижу, мой пострел все-таки поспел! — Мария Ильинична посмотрела на свою молодую помощницу не то с укоризной, не то с досадой. — А я вот не могу. И Надя тоже никак не соберется. Ильич даже грозился сегодня, что без нас на Шалаяпина пойдет. Стосковался, говорит, по хорошему концерту. Хочет вырваться во что бы то ни стало...

Концерт Шалаяпина был организован Московским Советом для рабочих, общественных и партийных организаций столицы.

Шел 1920 год. Над Москвой стояло легкое летнее небо: ни дымных, застилающих солнце облаков от лесных пожаров — вокруг города горели леса, — ни грозных туч. По ступеням, ведущим к Большому театру, поднималась толпа. Звенела песня:

Да здравствует Ленин...

Вожь революции...

Под колоннами Большого театра происходила веселая перекличка:

— Эй, братия басманная, меня подожмите!

— Сущевцы, айда к нам в ложу!

— Куда, прешь, Городской район? Честь и место Симоновке!

— Циндель, Циндель, к нам! — звали со ступеней.

— Циндель сама по себе, — отвечали работницы текстильной фабрики, бывшей Циндель, высыпая из сквера на площадь перед театром.

— Вот как зазались на Циндель! С Крестьянской заставой не знаемся?

— Зазались! Мы сегодня у самой дарской места получили!

Все происходившее у колонн Большого театра никого не удивляло. Время вооруженной борьбы пролетариата за власть Советов было также временем великого движения трудовых масс к искусству, культуре. Театр был неотъемлемой частью революционного быта в тылу и на фронте, в городе и на селе.

Пролетариат штурмом взял дворцы, стал правителем страны, теперь он становился хозяином театра. Самым ревностным посетителем театра тех трудных, героических, голодных лет был рабочий московских окраин. Он шел пешком с Крестьянской заставы, из Тюфелевой рощи, с Симоновки, шагал по пятнадцатой верст в один конец, чтобы побывать в театре. В ту пору трамваи не шли, извозчики исчезли с московских улиц. Все шло прямо по мостовой — в тапочках, в прюнелевых туфельках на веревочной подошве, в ботинках на шнуровке до колен. Толпа была одета весьма скромно. Женщины-пролетарки, истинные гражданки революционной столицы, повязывали на голову пылающую косыночку — она была своеобразной разновидностью фригийского колпака Великой французской революции.

Классовый характер совершившейся в Октябре революции проявлялся под театральными сводами необычайно ярко, зримо. Партер и ложи Большого театра занимали рабочие.

В тот день театр гудел. Здесь встретились люди хорошо знакомые между собой по ссылке, подполью, эмиграции, по дням и ночам московского восстания пятого года и семнадцатого, по партийной работе в районных комитетах, по труду на заводах...

Саша села в правую ложу бельэтажа и внимательно вглядывалась в левую, ближайшую к сцене ложу. Ленина там не было.

— Не вырвался! — решила она.

Уже шесть часов. Партер почернел от людей. Густо заполнились ложи. Вот-вот распахнется занавес... Но гул почему-то не прекращался, нарастал. Вдруг взметнулись какие-то выкрики.

Прежде чем Саша разобрала, что именно кричат, один из ее спутников, наклонившись к ней, сказал:

— Ленин в партере!

Он сидел в спокойной, свободной позе ожидания — откинувшись к спинке кресла, облокотясь на ручку, чуть подавшись головой в сторону, и слушал, что говорит сидящий рядом человек.

Эта поза терпеливого, совершенно безмятежного зрителя показалась Саше столь необычной для Ленина, так не вязалась с представлением о нем...

Как и весь народ, Саша видела Ленина только с трибуны — с Красной площади, с помоста заводского цеха, со сцены Большого театра, с кухонного стола Трехгорки. Он всегда обращался к массе, и в ее представлении образ Ленина жил неотделимо от его речей, сложных из страстных, но простых, понятных каждому слов.

Все привыкли: если Ленин сам не выступает, а сидит в президиуме, председательствует, то и тогда он весь в действии — переговаривается, что-то пишет, бросает записочки, кого-то подзывает к

себе. словно в центре вихря, все вокруг Ленина в непрерывном движении.

Ощущение, что сейчас что-то произойдет, что Ленин встанет, заговорит, владеет Сашей так же, как оно владело двумя тысячами людей, смотревшими туда, в ту точку партера, где Ленин ожидал начала концерта.

И Ленин действительно встал. Но сначала произошло одно событие.

Огни в зале уже погасли. Только светились красивые надписи: «Выход», да под сценой, где оркестр, над пустым попиром дирижера, почему-то горела лампочка...

Саша все пристальней всматривалась в знакомые очертания головы. Иногда Ленин наклоняется к сидящему рядом, и ей видно сверху, как, сблизив головы, оба переговариваются.

В ложах рядом с Сашей и позади нее возгласы, вопросы:

— С кем он? Кто с ним рядом?

— Это Беленький, — донеслось до слуха Саши.

— Ну, конечно, Беленький, — узнала Саша. Тот большой, здоровый, лысый дядя, который после ранения охраняет Ленина. Владимир Ильич не хотел, чтобы его охраняли, злился, мрачнел, противился, но должен был в конце концов как дисциплинированный член партии подчиниться постановлению ЦК.

Беленький охранял Ленина не назойливо, старался не надоедать. Первое время всегда просил извинения, что стесняет: «Партийное поручение, Владимир Ильич», и садился в ту же машину. А так как Ленин уважал в каждом человеке соблюдение дисциплины, особенно партийной, то он относился с уважением и к своему невольному спутнику.

В летний день двадцатого года, когда наступал Пилсудский, Беленький, узнав от Марии Ильиничны, что Ленин один, без семьи, собирается на концерт, занял место в партере рядом. Здесь и заметил Ленина народ, заполнявший театр.

К тому времени, когда дрогнул тяжелый занавес и обе его половины, тяжело колыхаясь и свергываясь на ходу, разошлись, к тому времени зал Большого театра уже не гудел, а кричал, неистовствовал. По всему залу, этой гигантской коробке с вызолоченными ярусами и пурпурными барьерами, гремело:

— Ле-е-е-и-и-и!

Саша, не отрываясь, смотрела вниз, в партер. И видела: Ленин все больше вбирает голову в плечи. Он не оглядывается, не смотрит ни вверх, ни по сторонам. Инстинктом Саша чувствовала — Ленину неловко. Что он говорит Беленькому? О чем они переговариваются? Что будет?

А занавес между тем успокоился, застыл, открыв прохладную, пустую сцену, ровно освещенную невидимыми лампами. В той стороне, где стоял рояль, в проходе между левыми кулисами, Саша увидела высокую черную фигуру с ослепляюще белой грудью и белым лицом.

Шалаяпин шел на сцену.

Вдруг он отступил и стремительно подался назад, словно его отбросило ударом.

Это звуковая волна «Ле-е-е-и-и-и!» достигла певца.

Полная смятения, следила Саша за тем, что происходит там, в левой части кулис, куда отступил Шалаяпин, и одновременно за тем, что происходило в правой части партера. Неожиданно Саша увидела красный бархат сиденья — четвертое кресло было пустым. Прежде чем Саша поняла, что это Беленький покинул свое место, что это его фигура подвигается к проходу, она увидела, что Ленин тоже поднялся и, наклонив голову, подняв плечи, двигается вслед за Беленьким. Выйдя из ряда, оба пошли по проходу, но не к выходу, а вперед. Теперь их фигуры были освещены светом, падавшим со сцены. А ряды, мною которых они двигались, поднимались, вставали, дыбились. И по залу перекатывались шквал оаций. Он низвергался сверху, с необъятных ярусов, а два человека — Ленин позади, его спутник впереди — стремительно уходили от этого шквала.

— Куда они идут? — волновалась Саша. И увидела — вот оба подошли к барьеру, вот повернули вдоль первого ряда. Саше и всем сидящим в правых ложах стал виден ленинский профиль, затем все лицо. Ленин шел, опустив свою большую, светлую голову. Шел хмурый, стремительный, весь — плечами и грудью — подавшись вперед, словно от ветра или вихря, дувшего в спину. Но то был не вихрь, а ураган, подлинный ураган аплодисментов, оаций, криков, восторга, энтузиазма, любви...

Между тем Беленький достиг дверцы, ведущей в оркестр, открыл ее, пропустил Ленина и спустился вслед за ним по маленькой лесенке. Ленин прошел между пустыми попиртами и исчез.

— Перешел на другое место. Спрятался от оаций... Наверно, в ложу... — Так говорили все, и так думала Саша.

На сцене появился Шалаяпин. Он пел для народа, свершившего революцию. Пел все лучшее. Пел самое любимое.

В антракте люди ходили по рядам партера, ходили из ложи в ложу и, как во хмелю, восклицали:

— Ну, и Шалаяпин!

— Как поет!

— Шалаяпин, Федор, мужик, крестьянский сын!

— Душу вымотал всю, как есть!

— Что хочешь отдам за его песню!

— Певец народа русского — вот он кто — Шалаяпин!

— Хорош, черт побери, до чего хорош!

Под конец пел Шалаяпин «Улицу». В соседней с Сашей ложе пожилой рабочий в сатиновой косоворотке, аккуратно зачесанный на прямой пробор, с длинными рожками темных усов, услышав эту надрывную песню про улицу широкую да жизнь одинокую, вдруг уронил на плюшевый барьер седую голову и зарыдал...

Концерт окончился. Но никто не уходил. Шалаяпина со сцены не отпускали.

— «Дубинушку!» — раздалось в одном конце, и тотчас, словно подали сигнал, отовсюду понеслось: — «Дубинушку!» Просим «Дубинушку»!

— Товарищ Шалаяпин! — неожиданно с пронзительным визгом взлетел к ярусам высокий, отчаянный женский голос. — Женщина-пролетарка требует «Дубинушку»!

Театр захохотал, закричал, захлопал:

— Даешь «Дубинушку»!

— «Дубинушку», и никаких гвоздей! Шалаяпин вышел на авансцену. В зале зажглась гигантская люстра. Все стихло. Шалаяпин обратился к залу:

— Ну, что ж... Спою «Дубинушку». Но... артист поднял красивую длинную белую руку, далеко высунувшуюся из крахмальной манжеты, — выговаривая наперед: я буду петь, а вы мне подтягивайте. Условие — чтобы весь зал...

— Подтянем! Согласны! — хором откликнулся театр. — Подтянем! Ухнем!

Шалаяпин чуть отступил, словно для разбега, для броска вперед, запрокинул отчаянно удало свою красивую голову, прикрыл глаза и затянул песню — широкую, мощную, буйную, отчаянную, как народ, как его бескрайняя страна. А народ, поднимавший с мест, от партера до верхних балконов, подтягивал:

— Эй, дубинушка, ухнем!

— Эй, зеленая, сама пойдет!

Певец вытянул последнюю ноту тончайшей нитью, такой высокой, такой тонкой, что, казалось, она не кончилась, не оборвалась, а истаяла в воздухе, как дымка.

А на следующее после

концерта утро, сидя в редак-

ции, Саша поглядывала не-

терпеливо на часы: скоро

ли придет на работу Мария

Ильинична. Интересно у-

знать у нее, куда все же

спрятался вчера Ленин? Из

какого уголка слушал он Шалаяпина?

Около полудня появилась Мария Ильинична в своей неизменной англий-

ской блузке с мелкими складками, в темной длинной, до полу юбке с высоким корсажем, в соломенной шляпке с репсовой лентой на тулье.

Пока Мария Ильинична доставала из ридинюля ключи, вздетые по старинке на металлическое кольцо, проводила ладонью по столу, проверяя, хорошо ли вытерта пыль, Саша с юным возбуждением рассказывала ей, как на концерте Шалаяпина Владимир Ильич так здорово спрятался, что никто его больше не ви-

дел...

— Никуда он не спрятался! — перебила ее Мария Ильинична и, стерев с пальцев следы пыли, мрачно добавила: — Он ушел из театра, совсем ушел. Так Шалаяпина и не слышал...

Саша ахнула:

— Зачем же было уходить совсем? Ведь Владимир Ильич так любит му-

зыку?!

— Вот именно потому, что он так любит музыку! Ильич вернулся домой рассерженный: «Идут, говорит, слушать Шалаяпина, а устраивают овации Ленину. Это неуважение к артисту!» В самом деле, — горячилась Мария Ильинична, — ведь на концерте были наши товарищи. Это тем более недопустимо! Вот он возмутился и ушел. Что ему было делать?!

— Мария Ильинична, это делали не подумав. Это было в таком порыве... — пробовала объяснить Саша. — Я видела, это от любви... Владимира Ильича так любят, что невозможно...

— Любить тоже нужно с тактом! — вновь перебила ее Мария Ильинична. — Видят, человек пришел на концерт, тоже хочет послушать, ну и не мешайте ему...

Саша сидела притихшая, смущенная. Было стыдно за себя и других. Она даже не подумала, что Ленин может оскорбиться за артиста. Никто в театре и не подозревал, что Ленин покинул концерт.

А Мария Ильинична все негодовала:

— Так хотелось ему послушать Шалаяпина! Так трудно ему вырваться. Ведь чего это стоило ему! Он даже одно заседание отложил. А брат этого никогда не делает. Сам указал место, где хочет сидеть, сам... — сестра Ленина не закончила фразы и махнула рукой. — И вот! Не дали послушать!